

ная и отрицательная сторона наших съездовъ. Ихъ удача или неудача очень мало зависитъ отъ продѣланной работы, отъ подготовки. Она опредѣляется случайностью или даромъ Божиимъ. Мы получаемъ эти дары съ такою щедростью, какой не заслуживаемъ сами своимъ трудомъ. Мы питаемся не нами созданными духовными благами. О, конечно, мы имѣемъ право питаться отъ стола Церкви, и благодать Божія не соразмѣряется съ заслугами. Но каждая смоковница призвана давать плоды — иначе наступаетъ рано или поздно, засыханіе или увяданіе.

Каждый годъ мы сѣмъ, — вѣрнѣе, Богъ сѣетъ въ насъ, но какъ мало изъ этихъ сѣмянъ даютъ свои плоды. Не будемъ преуменьшать своей работы: она ведется, но она не стоитъ въ законномъ отношеніи къ вдохновенію нашихъ съездовъ. Оттого на нихъ бываетъ такъ мало принципиальныхъ вопросовъ, поставленныхъ Движеніемъ, вытекающихъ изъ его прошедшей работы. Мало итоговъ, товарищеской повѣрки, споровъ по вопросамъ, связаннымъ съ жизнью Движенія. Очень часто программы бываютъ абстрактны или общи. Тѣ или иныя темы могли бы быть поставлены 5 лѣтъ тому назадъ и черезъ 50 лѣтъ въ будущемъ. По темамъ нашихъ съездовъ не легко слѣдить за внутренней жизнью Движенія. И часто слышишь, что для съездовъ не важны программы, что важны молитва и личное общеніе. Но это и значитъ,

что мы хотимъ жить не трудясь, питаться не работая, вопреки ап. Павлу. Ибо дѣловая и принципиальная программа — есть не словесность, а работа, единственная форма работы, органически присущая съезду, какъ особой формѣ общенія.

Каковъ былъ бы нормальный порядокъ? Нормальный порядокъ требуетъ, чтобы выносились вопросы, больше всего волновавшіе движенскую массу, вызывавшіе больше всего разногласій, требующіе поэтому соборнаго рѣшенія. Теоретическая часть программы должна быть построена для освѣщенія этихъ жизненныхъ проблемъ. Итоги съездовой работы должны быть положены въ основу всей дальнейшей работы Движенія. Тогда сохранялась бы и накоплялась наша традиція, осуществлялась бы единая непрерывность съездовъ и не такъ скоро растрчивался бы энтузіазмъ, пріобрѣтаемый въ пору лѣтняго отдыха.

Съезды должны быть всегда о чемъ нибудь и для чего нибудь. Иначе они будутъ сложными формами личного общенія, духовныхъ *retraites* (говѣнія) и каникулярнаго отдыха, но не органами Движенія.

Пожелаемъ же, чтобы осенній съездъ прошелъ подъ знакомъ напряженной, цѣлестремительной работы, чтобы члены, пріѣхавшіе съ мѣстъ и центральные секретари поставили на немъ вопросы, волнующіе Движеніе, насущные для его жизни.

О юродивыхъ.

Въ литературѣ существуютъ многочисленные списки святыхъ, прославленныхъ въ русской землѣ. Если отмѣтить среди нихъ всѣхъ, несшихъ подвигъ юродства, то сразу бросится въ глаза очень любо-

пытное явленіе: святые-юродивые строго прикрѣплены къ русскому сѣверу и ихъ житія относятся главнымъ образомъ къ XIV, XV и XVI вѣкамъ. Ни во времена Кіевской Руси, ни въ другія времена нель-

зя отмѣтить не только явленія большого количества юродивыхъ, но даже отдѣльныхъ юродивыхъ.

Только въ послѣдующее время, особенно въ XIX вѣкѣ опять начинается развиваться юродство. Но оно носитъ нѣсколько иной характеръ, — нѣкоего бытового исповѣдничества, — и почти не ведетъ къ общецерковному признанію за нимъ святости.

Я кратко перечислю имена святыхъ, Христа ради юродивыхъ, указывая время и мѣсто ихъ жизни.

Новгородъ: — **Николай** Кочановъ, — блаженный, Христа ради юродивый новгородскій, ум. 1392. Память празднуется 2-VII. Мощи его находятся подъ спудомъ въ церкви его же имени на Яковлѣ ул. въ Новгородѣ. Житіе существуетъ въ спискахъ XVII в. **Феодоръ** блаженный на Лубенцѣ. Умеръ 1392. Память празднуется 19-IV. Существуетъ сказаніе о немъ и особая служба. **Георгій** блаженный. **Михаилъ** Клопскій. — о немъ будетъ дальше рѣчь. Пока упомяну, что житіе его существуетъ въ трехъ редакціяхъ. Изъ нихъ первая двѣ, — въ спискахъ XVI в. Третья, болѣе поздняя, написана нѣкимъ Василиемъ Тучковымъ. **Іаковъ** блаженный — ум. въ концѣ XVI.

Псковъ. **Николай** (Салось). Ум. 1576, память празднуется — 28-IV. Погребенъ подъ Троицкимъ соборнымъ храмомъ.

Вологда: **Василій** блаженный, инокъ Спасо-Жаменнаго монастыря. Ум. 1472. Память празднуется 2-VIII.

Тотьма: **Максимъ** Тотемскій. — Ум. 1650, память — 16-I. **Андрей** Тотемскій — Ум. 1674, память — 10-X.

Устюгъ: **Прокопій** (Устюжскій). — Ум. 1303. Память — 8-VII. Житіе и служба въ спискахъ XVI и XVII в. **Іоаннъ** (Устюжскій). Ум. 1494. Память — 29-V. Житіе XVI в. **Леонтій**, XV в., память 18 іюня.

Каргополь: **Іоаннъ** Власатый. Ум. 1622.

— «иже бысть трудникъ въ дѣвичьемъ монастырѣ».

Архангельскъ: **Георгій**, — XV, и **Захарій**, — XVI в.

Вятка: **Прокопій** вятскій, — ум. 1627. Память, — 21-XII.

Москва: **Максимъ**, — 1433. II-XI. Церковь его имени въ Москвѣ на Варваркѣ. Житіе потеряно. Есть повѣсть о перенесеніи мощей въ рукописи XVII в. Канонъ ему написанъ **Феофиломъ**, монахомъ Чудова Монастыря. Канонизованъ Московскимъ соборомъ 1547 г. Исторія потери его житія въ повѣсти 1698 г. о перенесеніи мощей, была рассказана такъ: «О святомъ же житіи его и чудесахъ глаголютъ мнози, еже была немалая книга исписана, но не вѣмъ, како изъ церкви изгиге, или кто у преждебывшихъ священниковъ взялъ ради списанія». **Василій** блаженный, — о немъ дальше. **Іоаннъ**, Большой Колпакъ, — о немъ дальше. **Іаковъ** Блаженный.

Калуга: **Лаврентій** Калужскій, — 1515.

Ростовъ: **Исидоръ**, — о немъ дальше. **Іоаннъ** Власатый, — 1580. **Стефанъ**, — 1592.

Суздаль: **Афанасій**, **Киприанъ**, **Трофимъ**. **Парфеній** — XVI. Извѣстенъ по двумъ сочиненіямъ: «Канонъ Архангелу Михаилу» и «Посланіе неизвѣстному противу Лютеровъ».

Переяславль. **Корнилій**, — 1699. Житіе и канонъ написаны **Дмитріемъ** Ростовскимъ.

Ярославль: **Илія**, **Іоиль**.

Юрьевецъ: **Онуфрій**, **Симонъ**, — 1584. 4-XI. Житіе составлено **Богоявленскимъ** игуменомъ **Діонисіемъ** въ XVI.

Даже этотъ списокъ надо считать далеко не полнымъ. Кромѣ того несомнѣнно, что многіе святые юродивые не были при жизни опознаны и остались не канонизованными.

Если принять все это во вниманіе, то будетъ ясно, что въ извѣстный періодъ

русской исторіи въ Московскомъ царствѣ юродство по своей распространенности и по роли, которую оно играло, носило церковно-общественный характеръ. Изученіе его представляетъ интересъ не только съ этой общественно-бытовой стороны, но и со стороны чисто религіозной, — его надо воспринимать, какъ очень своеобразный и трудный религіозный путь.

Къ сожалѣнію, матеріаловъ для этого изученія чрезвычайно мало. Для многихъ блаженныхъ житій просто не написано, для большинства житій находятся въ древнихъ неопубликованныхъ спискахъ, и, слѣдовательно, хранятся въ Московскихъ и мѣстныхъ архивахъ. Наконецъ, интереснѣйшее житіе Максима Московскаго утеряно.

Намъ придется дальше говорить о житіяхъ **Исидора** Ростовскаго, **Михаила** Клопскаго, **Прокопія** Устюжскаго, **Василія** Московскаго и **Іоанна** Большого Колпака.

Изъ нихъ только первое Ключевскій считаетъ цѣннымъ и подлиннымъ.

О житіи Михаила Клопскаго, вошедшемъ въ Четыи Минеи и написанномъ Тучковымъ около 1542 г., Ключевскій говоритъ, что историческаго значенія оно не имѣетъ. Гораздо цѣннѣе первая редакція, болѣе подробная, заключающая въ себѣ его пророчества. Въ этомъ документѣ жизнь современнаго святому Новгорода проходитъ передъ глазами съ необычайной образностью. Къ сожалѣнію, оно не опубликовано.

Ключевскій считаетъ также, что житіе Устюжскаго юродиваго Прокопія плохо написано, имѣетъ много хронологическихъ противорѣчій. Подробный рассказъ объ огненной тучѣ — передѣлка свѣтской повѣсти XVI в., рассказъ же о морозѣ, во всѣхъ подробностяхъ, встрѣчается въ греческомъ житіи Андрея Юродиваго и можно считать, что онъ списанъ

оттуда. (**Ключевскій**. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ).

Но, несмотря на замѣчанія такого авторитета, какъ Ключевскій, думается, что каково бы ни было историческое значеніе этихъ житій, они намъ, во всякомъ случаѣ, покажутъ, что воспринималось въ Московской Руси, какъ подвигъ юродства. Это гарантировано временемъ ихъ написанія.

Перейду къ изложенію житій.

Исидоръ, Христа ради юродивый, Ростовскій чудотворецъ, умеръ въ 1472 году. Происхожденія онъ былъ не русскаго.

«Отъ странъ бѣ западныхъ, роду римскаго, языка нѣмецкаго».

«Изыде изъ земли и отечества своего и къ восточнымъ поиде странамъ».

Всѣ, кто съ нимъ встрѣчались, считали его безумнымъ. Жизнь его отличалась исключительной суровостью. «На блатѣ устроилъ кущу». «Днемъ юродствуетъ, ночью молится». «Въ кущѣ не имѣяцъ ничто же, токмо свое многотрудное тѣло». Его святость очень долго никѣмъ не была опознана. Его всячески унижали и преслѣдовали. И только чудесный случай открылъ согражданамъ Исидора его истинное значеніе. «Однажды по морю купцы плыли съ товаромъ, и внезапно корабль остановился. Никакія усилія моряковъ не могли его сдвинуть съ мѣста. Тогда купцы бросили жребій, чтобы узнать, по чьей винѣ корабль стоитъ неподвижно. Жребій палъ на одного ростовскаго купца. Его спустили на доскѣ въ море, и корабль немедленно двинулся. Купецъ же, оказавшійся среди волнъ, началъ тонуть. И когда онъ совсѣмъ «отчаялся въ жизни своей», то увидѣлъ идущаго къ нему по водамъ своего земляка Исидора. Исидоръ взялъ доску, на которой, какъ въ лодкѣ, сидѣлъ купецъ, и быстро сталъ тащить корабль. Натгавъ,

вернул купца его товарищамъ, а самъ скрылся, заповѣдавъ никому не разглашать этого чуда. И собственно такъ до самой смерти должной оцѣнки Исидоръ отъ ростовцевъ не получилъ.

«Житіе его добродѣтельно, аки подь спудомъ, — подь образомъ юродства тамо бѣ».

По смерти святость Исидора была обнаружена благоуханіемъ, исходящимъ отъ его тѣла. — тогда всѣ поняли, что энъ вель «Христа ради буйственное житіе».

Собственно во всемъ этомъ разсказѣ о его жизни очень мало остается для характеристики юродства: «куща на благѣ», поношенія отъ согражданъ, «много-трудное тѣло», «буйственное житіе».

Слѣдующее житіе, — Михаила Клопскаго.

Рукопись этого житія относится къ XVI в. и хранится въ библиотекѣ Іосифова-Волоколамскаго монастыря. Она была напечатана въ собраніи Кушелева подь редакціей Костомарова.

Полное названіе: «Житіе блаженнаго Михаила, нарицаемаго Салось, сирѣчь Христа ради юродиваго, въ Клопской Троицкой Новгородской обители».

Михаилъ появился въ Клопскомъ монастырѣ при игуменѣ Θεодосіи, въ княженіе великаго князя Василія Дмитріевича. Не называя своего имени, во время службы онъ прошелъ въ келью къ одному монаху и сталъ помогать ему переписывать дѣянія. Потомъ остался жить въ монастырѣ, началъ пѣть въ церкви и читать апостоль.

Несмотря на настоянія игумена, онъ продолжалъ скрывать свое имя, «хотя утаится братіи, юрода себѣ творяще».

Его происхожденіе обнаружилось случайно. Въ монастырѣ говѣль изгнанный князь Константинъ Дмитріевичъ. Во время трапезы онъ узналъ святого и обратился къ нему со словами:

— Почто, чадо, имени своего не повѣси? — И обращаясь къ игумену, сказалъ: — Вѣдый буди, яко сей старецъ сродствія соузомъ намъ приплетається.

Вскорѣ обнаружился даръ чудотворенія блаженнаго Михаила. Стояла сильная засуха. Всѣ источники изсякли, и монастырь страдалъ отъ отсутствія воды. Однажды старецъ написалъ пальцемъ на песокѣ: «Чашу спасенія пріиму и имя Господне призову». — «И на симъ мѣстѣ источникъ истечеть неисчерпаемый». За засухой послѣдовалъ голодъ. По указанію блаженнаго, монастырь сталъ раздавать нуждающимся вареное жито, а запасы въ житницѣ стали увеличиваться.

Михаилъ обладалъ также даромъ пророчества. Такъ игумену Θεодосію онъ предсказалъ: «Вѣди буди, яко возведенъ будешь на архіерейскій престоль и ту два лѣта поживеши, святительскаго же сана не сподобишься». Вскорѣ дѣйствительно Θεодосій былъ вызванъ въ Новгородъ для возведенія въ санъ Новгородскаго архіепископа. Два года онъ пробылъ тамъ, но рукоположенія отъ митрополита не получилъ.

Житіе приводитъ и другой случай его прозорливости. Къ нему обратился Евфимій, впоследствии архіепископъ. «Моли, отче, Бога о мнѣ, да воспріиму рукоположеніе отъ святѣйшаго нашего митрополита Владимірскаго и всея Руси по повелѣнію самодержца и царя нашего Василія Васильевича».

«Блаженный же Михаилъ измѣнился духомъ, пророчествуя, и яко Салось творящеся, исторгъ убрूसъ изъ рукъ блаженнаго Евфимія и возложилъ на свою главу, образомъ, яко буй творящеся, духомъ же пророческимъ вѣшаше глагола: «Смоленскаго града достигнешъ и тамо архіерейскій санъ совершень пріимешь»

Въ Клопской обители Михаилъ прожилъ 44 года.

Сразу послѣ смерти его было явлено чудо: ему не могли вырыть могилу въ промерзшей землѣ. И это оказалось возможнымъ сдѣлать только на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ возлѣ церкви во время службы. Разсматривая это житіе, собственно, не знаешь, отчего церковь чтить Михаила Клопскаго, какъ Христа ради юродиваго. Для этого на протяженіи 44 лѣтъ его пребыванія въ монастырѣ имѣются лишь два факта. Сокрытіе родства съ княжескимъ родомъ и исторженіе убруса изъ рукъ блаженнаго Евфимія. Въ остальномъ житіи все время чувствуется скорѣе большая трезвость и человѣческая разсудительность Михаила. И Апостола читаетъ, и Дѣянія переписываетъ, и даетъ различные совѣты не только игумену, но и епископамъ и постороннимъ для обители князьямъ. Онъ интересуется политикой, церковными дѣлами. Съ самаго начала пользуется всеобщимъ уваженіемъ и признаніемъ, — однимъ словомъ, въ его житіи чрезвычайно мало всего, относящагося къ подвигу юродства.

Приходится заключить, что въ свое время подъ юродствомъ понималось нѣчто гораздо болѣе широкое, нежели то, что мы въ это слово вкладываемъ. Всякое несоотвѣтствіе жизни съ условіями, въ какихъ человѣкъ родился, всякое нарушеніе устоявшагося быта, могло быть воспринято, какъ юродство.

Дальше: «Житіе и подвиги святого преподобнаго Прокопія, иже Христа ради юродиваго, устюжскаго чудотворца».

Начало житія съ удивительной точностью совпадаетъ съ началомъ житія Исидора Ростовскаго. «Быти ему отъ западныхъ странъ, отъ латинска языка, отъ нѣмецкой земли». Родился онъ въ великомъ богатствѣ и, какъ купецъ, прибылъ въ Новгородъ на кораблѣ.

«И виде въ великомъ Новѣ Градѣ истинную православную вѣру христіанскую, понеже убо она сіяше въ мірѣ, яко

солнце, премное церковное украшеніе, и поклоненіе святымъ иконамъ, и звонъ велій, и слыша святое пѣніе, и чтеніе святыхъ книгъ, и множество монастырей около Нова Града сограждено, и мнишескимъ чиномъ вельми украшено. И по томъ его видѣннѣи и помышленіи вниде въ него Божія благодать, и оставилъ старую вѣру и дружину и сталъ искать мудраго учителя».

Такъ онъ дошелъ до Хутынскаго монастыря, гдѣ игуменомъ былъ Варлаамъ.

Тутъ онъ крестился, роздалъ имущество, «и самъ оттолъ пріемлетъ юродственное Христа ради житіе и въ буйство преложится по апостолу глаголющему: буяя міра сего житія избра Богъ, да ся посрамитъ крѣпкая и премудрая міра сего держава».

«Облечеса въ раздраныя и непотребныя ризы и во блаженство преложисъ Христа ради».

Но новгородцы сразу увидели въ немъ праведника и стали превозносить его. Тогда, не смотря на уговоры Варлаама, онъ предпринялъ «путнее шествіе къ восточнымъ странамъ».

Въ пути его оскорбляли понапрасну. Но онъ молился за обижавшихъ его, «въ день, яко юродъ, хождаше, въ ночи же безъ сна пребываше и моляшеса непрестанно».

Такъ онъ дошелъ до Устюга. Тамъ его приняли «за юродива и несмысленна суща умомъ», укоряли и били.

«Въ день бо убо отъ человѣкъ оскорбляемъ, и утомляемъ, и убиваемъ бываше многимъ оскорбленіемъ, а къ ноши не мало покоя себѣ принимаше, но по граду и по всѣмъ Божіимъ церквамъ хождаше и моляшеса Господеву со многими слезами».

«Заутро въ похабствѣ пребывая».

Жилъ онъ на церковной паперти.

«Отъ богатыхъ же человѣкъ ничтоже пріимаше потребныхъ брашенъ».

Однажды, войдя въ церковь послѣ службы, онъ сталъ проповѣдывать: «Братіе, покайтесь многихъ своихъ грѣховъ... Всѣ вы имате злѣ погибнути огнемъ и водою, и всему граду вашему». На паперти сталъ «плакаться и рыдать», что ему не повѣрили. Такъ повсюду онъ проповѣдывалъ покаяніе. И вотъ на небѣ появился «облакъ темный». Началась буря, молнія, землетрясеніе. Всѣ собрались молиться въ церкви. Прокопій тоже молился передъ иконой Благовѣщенія. И «искипе источникъ мира и многіе ту предстоящіе люди поля». «Воздухъ перемѣнился и бысть тишина».

Туча разразилась далеко за городомъ, свалила вѣковой лѣсъ, но люди были спасены.

Далѣе житіе повѣствуетъ «о великомъ зимнемъ мразѣ и о терпѣннн блаженнаго Прокопія».

«Не имѣя у себя хранины, ни портища тепла, ни постели мягки, ни рогозиницы ко употребленію тѣла, но токмо едину дизу раздранну», — онъ пребывалъ на морозѣ. И только потомъ пришелъ къ другу своему Симеону «свѣтлымъ видѣніемъ и сладкимъ смѣхомъ. Бѣ бо лице его отъ многаго веселія, яко солнце, свѣтлостью». Сначала онъ рассказывалъ, какъ «на улицахъ града на гноищахъ и на сметищахъ валяхся, и Бога есмь лишень, и въ боголишеніи своемъ грѣшенъ есмь. Какъ спалъ въ «пустой храмнѣ съ псами». И, наконецъ, какъ явился свѣтлый юноша и прекратилъ его страданія.

Ходилъ Прокопій полуголый, неся три кочерги въ рукахъ. Когда онъ ихъ прямо держалъ, то бывало изобиліе; когда склонялъ, предрекалъ скудость.

Приближеніе смерти открыто было ему ангеломъ. Онъ умеръ въ 1303 году около монастыря на мосту.

Иоаннъ, Большой Колпакъ. Умеръ въ 1589 г. Существуютъ «Извѣстія объ умершемъ ростовцѣ Иванѣ, прозванномъ

Большой Колпакъ, погребенномъ въ Московскомъ Покровскомъ соборѣ, написано въ Москвѣ, 1647 г., рукою простого монаха».

Онъ «родился въ вологодскихъ странахъ». Долго былъ водоносомъ въ солеварняхъ. Перебравшись изъ Ростова въ Москву, носилъ вериги, огромное желѣзное распятіе, численицы. Однимъ изъ своеобразнѣйшихъ подвиговъ его было то, что онъ молился, не отрывая взгляда отъ солнца, — солнечное предстояніе, — изъ-за этого почти ослѣпъ. Умеръ онъ «въ мовнищѣ», въ банѣ.

И, наконецъ, болѣе подробно остановлюсь на житіи Василія Блаженнаго. Умеръ 1551. Память празднуется 2-VIII. Служба ему написана старцемъ Михаиломъ, монахомъ Соловецкимъ. Рукопись переписана Іосифомъ игуменомъ Евфиміемъ Турковымъ. Житія существуютъ въ сорокъ одномъ спискѣ. Полное житіе его въ литературномъ и историческомъ смыслѣ мало интересно, заимствовано въ подробностяхъ изъ южно-славянскихъ, сербскихъ источниковъ.

По свидѣтельству Ключевского, оно очень скудно біографическимъ содержаніемъ, но многословно и скорѣе похоже на похвальное слово. Кромѣ того, извѣстенъ единственный списокъ другой редакціи житія. — собраніе народныхъ рассказовъ о блаженномъ. Оно перепечатано съ комментаріями въ книгѣ прот. І. І. Кузнецова, изданной въ Запискахъ Московскаго Археологическаго института. (т. 8).

Согласно народной легендѣ. Василій Блаженный поидлся въ Москвѣ въ Елоховѣ, при Иоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, отъ отца Іакова и матери Анны. Съ дѣтства онъ былъ отданъ въ ученіе къ сапожнику. Съ шестнадцати лѣтъ началъ подвигъ юродства, хотѣлъ оставить міръ, притворился нѣмымъ. Тамъ же у сапожника сталъ проявляться даръ его яснови-

дѣнія. Такъ одному заказчику, — здоровому и молодому купцу, — сшилъ сапоги, какъ на покойника, — а къ сроку, когда надо было сдѣлать заказъ, оказалось, что купецъ умеръ.

Съ самой молодости Василій проявлялъ себя великими странностями: «Сотворися похабъ Христа ради, нача у иныхъ колачи опровергати, и инде же квасы отъ сосудовъ выливати, и ина многая таковая нелѣпая и похабная творити, за что бысть биемъ, пхаемъ, оплеваемъ».

Такъ же онъ держалъ себя и въ царскомъ дворцѣ. Однажды выплеснулъ чашу царскаго питія за оконце. А разгнѣвавшемуся царю объяснилъ, что это онъ пожаръ въ Новгородѣ заливаешь. Потомъ оказалось, что въ это время въ Новгородѣ, дѣйствительно былъ пожаръ, «и внезапно явился нагой мужъ», и сталъ заливать огонь.

Изъ отношеній его съ Грознымъ есть одинъ рассказъ. Выходя изъ церкви, Василій сталъ увѣрять царя, что тотъ у службы не былъ, а были въ церкви только три челоуѣка — «владыка митрополитъ, государыня царица, да азъ грѣшный». Царь же былъ на Воробьевыхъ горахъ. Оказалось, что царь, дѣйствительно, всю службу думалъ, какой онъ себѣ дворецъ тамъ построить, и мыслями въ церкви не присутствовалъ.

Трагическая встрѣча съ Иоанномъ была у блаженнаго, по легендѣ, въ Новгородѣ, во время усмиренія новгородцевъ. Шли казни, истреблялись и виноватые и невинныя. Василій попросилъ царя къ себѣ въ какую-то пещерку подъ мостомъ, сталъ его угощать сырымъ мясомъ и горячей кровью. Иоаннъ пришелъ въ ужасъ. Тогда блаженный со многими слезами сталъ умолять его смилостивиться надъ новгородцами, отказаться отъ душегубства, отъ пожирания плоти невинныхъ. И раскаявшійся царь увидалъ, какъ кровь

претворилась въ сладкое питье, а мясо въ сладкій арбузь.

Часто блаженный швырялъ камнями въ церкви и въ дома добродѣтельныхъ людей, а на кабаки крестился, объясняя, что около чистыхъ мѣстъ всякая нечисть водится, а около кабаковъ ангелы о погибшихъ душахъ плачутъ.

Въ кондакѣ Василія Блаженнаго поется, что онъ хотѣлъ «убѣжать ловленія лстываго міродержца», что онъ слѣдовалъ апостольскимъ словамъ, «не любите міра, ни того, что въ мірѣ».

Любопытенъ отзывъ о значеніи юродства данный Флетчеромъ въ 1588 г., въ годъ канонизаціи Василія Блаженнаго: «Блаженные, подобно пасквилямъ, указываютъ на недостатки знатныхъ, о которыхъ никто другой говорить не смѣетъ».

Еще интересно привести описаніе иконы Василія по «Подлиннику»: онъ «нагъ, сѣдъ, курчеватъ, брада не величка, раздвоились космочки, власы истерхались».

Если искать религіозныхъ и историческихъ корней юродства, то первоначально надо указать, что уже у апостола Павла есть точное и четкое обозначеніе этого пути. «Слово о крестѣ для погибающихъ юродство есть, а для насъ спасаемыхъ, — сила Божія... Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христѣ. Мы немощны, а вы крѣпки... Мы, какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый донныне...» Этими послѣдними словами совершенно исчерпывается обликъ юродства.

Я ограничиваю мою статью такимъ краткимъ изолженіемъ житій блаженныхъ.

Историческій вопросъ, самъ собою возникающій изъ всего матеріала, использованнаго мной, таковъ: чѣмъ объяснить, что явленія «Христа ради буйственнаго житія», такъ точно были прикрѣплены къ русскому сѣверу и къ извѣстной эпохѣ русской исторіи. На Западѣ мы не зна-

емъ ничего о существованіи юродивыхъ. Въ Византіи ихъ явленіе носило совершенно единичный характеръ. А въ Московской Руси мы видимъ какъ бы потокъ юродства.

Это первый вопросъ.

Другой касается самаго существа дѣла: является ли юродство личнымъ подвигомъ спасенія души, или въ немъ открывается своеобразный путь служенія міру? Я лично думаю, что юродство, всѣмъ напоромъ своимъ, всѣмъ своеобразнымъ своимъ творчествомъ направлено на міръ, и въ мірѣ его непосредственное дѣло.

Если искать историческихъ корней юродства, то первоначально надо указать, что уже у апостола Павла въ посланіи къ Коринтянамъ есть точное и четкое опредѣленіе этого пути.

Я его приведу цѣликомъ.

«Ибо слово о Крестѣ для погибающихъ юродство есть, а для насъ, спасаемыхъ, — сила Божія. Ибо написано: «Погублю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ мудрецъ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ совопросникъ вѣка сего? Не обратилъ ли Богъ мудрость вѣка сего въ безуміе? Ибо когда міръ своею мудростью не позналъ міра въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу юродствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Ибо и іудеи требуютъ чудесъ, и эллины ищутъ мудрости, а мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для іудеевъ соблазнъ, а для эллиновъ безуміе. — для самихъ же призванныхъ, іудеевъ и эллиновъ, — Христа. Божію Силу и Божію Премудрость, потому что немудрое Божіе премудрѣе человѣковъ, и немощное Божіе сильнѣе человѣковъ. Посмотрите, братія, кто вы, призванные. Не много изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ. Но Богъ избралъ немощное міра, чтобъ посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ,

чтобъ посрамить сильныхъ. И незнатное міра, и униженное, и ничего не значущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась передъ Богомъ».

И дальше:

«И когда я приходилъ къ вамъ, братія, приходилъ возвѣщать свидѣтельство Божіе не въ превосходствѣ слова или мудрости, ибо я разсудилъ быть у васъ незнающимъ ничего, кромѣ Іисуса Христа, и притомъ распятаго. И былъ я у васъ въ немощи, и въ страхѣ и въ великомъ трепетѣ. И слово мое и проповѣдь моя не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы. Чтобы вѣра ваша утверждалась не на мудрости человѣческой, но на силѣ Божіей. Мудрость же мы проповѣдуемъ между совершенными, но не мудрость вѣка сего, и не властей вѣка сего преходящихъ, но проповѣдуемъ Премудрость Божію, тайную, сокровенную».

«Мы приняли не духа міра сего, а Духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога».

«Если кто изъ васъ думаетъ быть мудрымъ въ вѣкѣ семъ, тотъ будь безумнымъ, чтобы быть мудрымъ. Ибо мудрость вѣка сего есть безуміе передъ Богомъ, какъ написано: Уловляетъ мудрыхъ въ лукавствѣ ихъ».

И заключительно:

«Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христѣ. Мы немощны, а вы крѣпки. Вы въ силѣ, а мы въ безчестіи. Даже донинѣ терпимъ голодь и жажду, и наготу и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками. Злословятъ насъ, — мы благословляемъ. Гонятъ насъ, — мы терпимъ. Хулятъ насъ, — мы молимъ. Мы какъ соръ для міра, какъ прахъ всѣми попираемый донинѣ».

Этими послѣдними словами совершенно исчерпывается обликъ юродства.

И съ самыхъ первыхъ временъ христі-

анства сознание праведности этого пути присуще даже темъ отцамъ Церкви, которые лично не шли имъ.

Такъ, на примѣръ, у Исаака Сиріанина мы читаемъ:

«Кто истинно смиrenomудръ, тотъ, будучи обиженъ, не возмущается, но принимаетъ клеветы, какъ истину, и не старается увѣрить людей, что онъ оклеветанъ, но проситъ прошенія. Ибо иные добровольно навлекали на себя названіе непотребныхъ, не будучи таковыми. Другіе же терпѣли названіе прелюбодѣвъ, будучи далекими отъ прелюбодѣянія, и слезами свидѣтельствовали, что несутъ на себѣ плодъ грѣха, котораго не дѣлали и съ плачемъ просили у обидѣвшихъ прошенія въ беззаконіи, котораго не совершали, когда душа ихъ была увѣнчана всякой чистотою и непорочною. Иные же, чтобы не прославляли ихъ за превосходныя правила жизни, соблюдаемыя ими въ тайнѣ, представлялись юродивыми, бывъ растворены Божественной солью и непоколебимы въ своей тишинѣ».

Такова давность и неизмѣнность традиціи юродства. Думается, что элементы его вообще присущи святости, и главнымъ образомъ русскому типу святости, — если даже и не являются рѣшающими въ подвигѣ даннаго святого.

Болѣе того, — святость, — вообще подлинный христіанскій путь отказа отъ «мудрости вѣка сего».

Все, что мы знаемъ о русскомъ старцествѣ XIX вѣка, въ частности объ Оптинскихъ старцахъ, почти безъ исключенія содержитъ эти начала юродства.

Въ книгѣ о. Сергія Четверикова мы можемъ найти безчисленные примѣры тако- го юродства у оптинскихъ старцевъ.

Вотъ старецъ Леонидъ велитъ «вытолкать вонъ» купца, который не исполнилъ его наставленій. Онъ же грозно заявляетъ крутому и богатому помѣщику: «Вотъ идетъ остолопина смотрѣть грѣш-

наго Леонида, — а самъ, шельма, семнадцать лѣтъ не былъ у исповѣди». Другой старецъ, Амвросій, встрѣчаетъ пришедшую къ нему дѣвушку: «А это что за великанъ стоитъ? Это Вѣра пришла смотрѣть на лицемѣра». Примѣры эти можно было бы множить до безконечности.

Если попытаться опредѣлить внутренній смыслъ и сокровенное значеніе подвига юродства, то прежде всего необходимо отгнать въ немъ, что онъ съ неизбежною сопутствуетъ только темъ подвижникамъ, которые обращены къ міру.

Въ самомъ дѣлѣ, — совершенно ясно, что ни отшельники временъ Исаака Сиріанина, ни русскіе подвижники, уходящіе отъ міра въ Заволжскія трущобы, ни, наконецъ, — самъ апостоль Павелъ, поскольку онъ не обращался къ своему духовному дѣланію въ міру, — никто изъ нихъ не нуждался въ обликѣ юродства для своей личной духовной жизни. Юродство возникаетъ въ моментъ встрѣчи подвижника съ міромъ. И въ этомъ фактѣ, — ключъ къ пониманію его.

Думается, что этотъ фактъ надо разсматривать двояко. Потребность въ юродствѣ возникаетъ тутъ съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, это внутренняя духовная самозащита подвижника отъ соблазна превозношенія, отъ соблазна житейской гордости, а можетъ быть и еще отъ одного, самаго тонкаго и лукаваго соблазна, — соблазна соблазнять.

Это послѣднее требуетъ поясненій.

Дѣло въ томъ, что всяческое проповѣданіе истинъ, якобы уже извѣстныхъ, во всякомъ случаѣ съ исчерпывающей полнотой открытыхъ въ Евангеліи и хранимыхъ Церковью, предполагаетъ нѣкоторую особенную дѣйственность этихъ истинъ, изложенныхъ и преподанныхъ даннымъ именно лицомъ, даннымъ проповѣдникомъ, даннымъ подвижникомъ. Иными словами, — человѣкъ, возвѣщающій

даже Истину абсолютную, наглядно убѣждается, что его способъ возвѣщенія этой истины, его личный обликъ, его умѣніе подойти къ каждому отдѣльному человѣку, — имѣеть очень большое значеніе. И тутъ очень легко можетъ явиться соблазнъ соблазнять, — соблазнъ выявлять себя именно такъ, какъ этого ждетъ и хочетъ слушатель, всегда съ наилучшей стороны, съ максимальнымъ стремленіемъ лично понравиться, произвести впечатлѣніе.

Конечно, этотъ соблазнъ почти совсѣмъ уничтожается при наличіи непосредственной любви къ тому, кому обращены слова. Но даже и при наличіи любви, — «для всѣхъ быть всѣмъ» — можетъ быть соблазнительно и опасно.

И тутъ защита юродства, защита Цѣломудріемъ юродства является сама собой понятной. Можетъ быть по существу это если и не единственное, то самое правильное средство для точнаго разграниченія подлинной обращенности къ міру отъ соблазна соблазнять.

Во-вторыхъ. — другая сторона юродства, связанная съ потребностями міра. Тутъ естественно стремленіе видѣть передъ собой не отвлеченнаго проповѣдника, знающаго истину, и съ презрѣніемъ вѣщающаго о ней непосвященнымъ, а человѣка, прожитаго любовью къ тѣмъ, кто этой истины не знаетъ. Образъ омовенія ногъ Христомъ, Учителемъ, Носителемъ Истины, — есть вѣчный образъ для всяческаго учительства и проповѣданія истины. Можетъ быть это даже единственный открытый путь къ сердцу міра.

Такимъ образомъ въ юродствѣ сталкиваются двѣ потребности: потребность самого юродствующаго подвижника не соблазнять міръ своею личностью, и потребность міра, — видѣть въ обратившемся къ нему подвижникѣ не нѣчто далекое и чуждое, а «для всѣхъ все», — пе-

редь которымъ и погордиться не стоитъ своими маленькими добродѣтелями, передъ которымъ можно не стѣсняясь обнажить свое внутреннее убожество, свои духовныя немощи, — онъ молъ свой братъ, пойметъ, не осудитъ, не укоритъ своимъ фарисейскимъ совершенствомъ.

Оба эти свойства юродства съ достаточной убѣдительностью указываютъ на обращенность этого подвига къ міру.

Думается, что и историческое развитіе юродства говоритъ намъ о томъ же.

Передъ нами остается еще одинъ, до сихъ поръ не разрѣшенный вопросъ: отчего именно на Руси, въ извѣстный историческій періодъ, какъ нигдѣ и никогда, развилось юродство.

И если отнестись къ юродству, какъ къ служенію міру, то, можетъ быть, отвѣтъ будетъ не такъ затруднителенъ.

Современная расцвѣту юродства Московская Русь была вся устремлена на такое религиозное дѣланіе въ міру, однимъ изъ образовъ котораго можно считать и юродство.

Москва эпохи Іоанновъ, Москва, проникнутая идеей теократической, осуществляла и развивала свою государственность, стремясь обосновать ее, какъ дѣланіе религиозное. Москва, — третій Римъ, — совершенно отказывалась отъ какихъ бы то ни было задачъ, не поддающихся религиозному обоснованію. Не стоитъ сейчасъ входить въ оцѣнку правильности московскихъ рѣшеній того времени. Для насъ достаточно показать, что основными характерными чертами московской мысли являлись двѣ: первая, — это, обращаясь къ дѣламъ міра, ввести ихъ въ общую систему религиознаго дѣланія, подвести ихъ подъ церковный куполь, а второе, — обращаясь къ дѣламъ вѣры, къ духовному пути, — пронзить имъ всѣ мірскія дѣла. Можно было бы формулировать московское умонастроеніе какъ стремленіе обосновать богопри-

частность міра и міропричастность Бога.

Если же это такъ, то совершенно яснымъ становится, что именно это умонастроеніе было наиболѣе благопріятнымъ для раскрытія и развитія подвига юрод-

ства, такъ же видящаго свое религиозное духовное дѣланіе въ міру, и входящаго свой мірской путь во имя ихъ, духовныхъ цѣнностей.

Е. Скобцова.

Церковная музыка въ Россіи.

Характерною чертою русскаго православнаго богослуженія является то, что оно не допускаетъ какой бы то ни было инструментальной музыки. Поэтому употребляемое въ Россіи выраженіе — **церковное пѣніе** — означаетъ только **пѣніе**. Эта особенность православнаго обряда не только наложила свой отпечатокъ на самое церковное пѣніе, но имѣла огромное вліяніе на развитіе всего русскаго музыкальнаго искусства, съ одной стороны, охраняя чистоту русскаго пѣнія, а съ другой стороны, задерживая развитіе русской музыки и тѣмъ самымъ подвергая русскую музыку и самое церковное пѣніе опасности вліяній **чужихъ**.

Нѣсколько замѣчаній объяснятъ намъ все.

Церковь римско-католическая въ дѣлѣ вѣры, обряда, а слѣдовательно, и музыки и пѣнія всегда стремилась къ унификаціи. При ея активности и крѣпкой организаціи ея унифицирующая мощь была безгранична. Благодаря этой, иногда прямо жестокой унификаціи по всему Западу, между всѣми западно-европейскими народами распространилось единое пѣніе, единая музыка, словомъ, единая церковная музыкальная культура, на которой постепенно развилась и потомъ утвердилась единая, такъ называемая западно-европейская, свѣтская музыка.

Русское пѣніе и русскій народъ подъ

руководствомъ православной Церкви тогда убереглись отъ этого культурнаго интернаціонала: русскому народу сохранилось его русское пѣніе, но Россія притрала на другой сторонѣ. Римско-католическая церковь, допускающая при богослуженіи не только пѣніе, но и инструментальную музыку, тѣмъ самымъ создавала возможность для **полнаго и всесторонняго** музыкальнаго образованія. Православная церковь, ограничиваясь однимъ пѣніемъ, могла предоставить только **половинчатое** музыкальное образованіе.

На Западѣ музыкальные инструменты помогали спасенію души и поэтому и сами инструменты и исполнительское искусство спокойно развивались. Въ Россіи, по взглядамъ древней церкви, музыкальные инструменты были только «пустыми сосудами дьявольскими», а потому преслѣдовались, и часто сжигались.

Именно вслѣдствіе указанной особенности православнаго обряда, конечно, при содѣйствіи и другихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ (политическаго, экономическаго и соціальнаго характера) случилось, что русская музыка не получила органическаго развитія, какъ то имѣло мѣсто въ западно-европейской музыкѣ. Развитіе русской музыки, въ отличіе отъ западно-европейской, представляется намъ въ видѣ нѣкоторой лома-